

Дзяржаўныя сяляне беларускай вёскі, якія ў канчатковым выніку аказаліся ў лепшых умовах, чым памешчыцкія, разам з іншымі фактарамі садзейнічалі развіццю ў ёй капіталістычных адносін. Знамянальна у сувязі з гэтым, што Гродзенская губерня была рэгіёнам, які ў ХІХ ст. хутчэй за іншыя ішоў па шляху прагрэсіўнага гаспадарчага развіцця.

¹Гл.: Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. (далее ПСЗ-II). Т. 14. № 13035, 13036.

²Красный архив. 1923. Т. 3. С. 293.

³Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 27, воп. 5, спр. 2, арк. 152–154 адв.

⁴ПСЗ-II. Т. 20. № 19073.

⁵Падлічана па даных: Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў у С.-Пецярбургу (далей РДГА). Ф. 384, воп. 5, спр. 856, арк. 218–219; спр. 1538, арк. 255–256.

⁶Загорульская О. Э. // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3. 1987. № 1. С. 25.

⁷ПСЗ-I. Т. 36. № 27746.

⁸Журнал Министерства государственных имуществ (далее ЖМГИ). 1857. Ч. 63. Аддзел I. С. 96–97.

⁹Белоруссия в эпоху феодализма. Мн., 1961. Т. 3. С. 536–537.

¹⁰РДГА. Ф. 1018, воп. 5, спр. 510, арк. I адв.

¹¹Русская старина. 1897. № 11. С. 383–384.

¹²Падлічана па даных: РДГА. Ф. 958, воп. 1, спр. 697, арк. 1.

¹³Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі ў Маскве (далей ДАРФ). Ф. 109, воп. 223, спр. 6, арк. 134–135.

¹⁴Русская старина. 1897. № 11. С. 246.

¹⁵Байкова С. М. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г. Рига, 1963. Неупокоев В. И. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1970.

¹⁶Самбук С. М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века. Мн., 1980. С. 179–180.

¹⁷Падлічана па даных: ЖМГИ. 1855. Ч. 54. Аддзел II. С. 24–27.

¹⁸ДАРФ. Ф. 109, воп. 223, спр. 11, арк. 133.

¹⁹ЖМГИ. 1855. Ч. 54. Аддзел III. С. 30.

²⁰ДАРФ. Ф. 109, 4 эксп., 1857, спр. 268, арк. 33–40 адв.

²¹Падлічана па даных: Памятная книжка Виленского генерал-губернаторства на 1868 год. Спб., 1868. С. 183–225. У складзе губерняў улічаны паветы, што ўключалі цяперашнюю тэрыторыю Беларусі.

И.Л.ГРИБКО

ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (конец XIX – начало XX в.)

Городское общественное управление в Беларуси в конце XIX – начале XX в. являлось одним из немногих механизмов участия населения в управлении делами региона. На территории Беларуси, как и в большей части Российской империи, оно проводилось на основании Городового положения 1892 г., принятого в период реакции и контрреформ Александра III. Это положение сохранило прежнюю структуру управления, куда входили городская дума и городская управа со своими исполнительными органами. Распорядительные функции остались у городской думы, управа являлась исполнительным органом.

Новое городское положение, как и предыдущее положение 1870 г., уделяло большое внимание определению статуса руководителя городского общественного управления – городскому голове, который одновременно являлся председателем думы (распорядительного органа городского управления) и председателем управы (исполнительного органа). Как председатель исполнительного органа городской голова руководил непосредственной деятельностью управы: осуществлял общий контроль за правильностью ведения дел, производил назначение и увольнение служащих, отдавал распоряжения о сборе сведений по делам городского хозяйства, о подготовке вопросов к докладу в заседаниях думы и т.д. В случае равенства голосов при коллегиальном обсуждении вопросов на заседаниях управы голос председателя был решающим. Городской голова мог приостановить исполнение определения управы,

если находил, что таковое противоречит закону. “В случаях, не терпящих отлагательства”, закон предоставлял городскому голове право единолично принимать решения, подлежащие коллегиальному обсуждению городской управы (ст.99).

Новое городское положение существенно усилило контроль со стороны царской администрации за деятельностью органов самоуправления. Городской голова и члены управы считались состоящими на государственной службе и поэтому в дисциплинарном отношении зависели в большей степени от вышестоящей администрации, нежели от гласных думы. Губернское по городским делам присутствие могло отстранять выборных лиц городского управления от должности, дума же этого права не имела. В случае несогласия с действиями управы гласные думы могли лишь забаллотировать на очередных выборах негодный состав управы. Приравняв выборных должностных лиц городского управления к правительственным чиновникам, положение 1892 г., по сути, превращало управу не столько в исполнительный орган думы, сколько в орган, подчиненный губернской администрации. Действуя в одном направлении с думой, городской голова и члены управы рисковали вызвать гнев губернатора и лишиться своих должностей. Поддержка же головой политики администрации приводила к конфликтам с думой и неизбранию его на новый срок. Городским головам, как отмечали современники, “кроме сиденья между двух стульев, еще приходилось играть роль буферов, на которых обрушивается вся тяжесть столкновения поездов”¹.

Новое положение значительно расширило права городского головы и как председателя городской думы. Теперь он мог собственной властью исключать из думской повестки дня любые вопросы (прежде на это требовалось согласие думы). Новое положение лишало гласных права требовать созыва собрания думы. Только городской голова с разрешения губернатора мог назначить внеочередное заседание. Гласный, желающий внести какое бы то ни было предложение на рассмотрение думы, был обязан прежде обратиться с письменным заявлением к городскому голове, который “по собрании надлежащих справок” в каждом отдельном случае мог дать или не дать на это согласия (по Городовому положению 1870 г. гласному достаточно было известить городского голову о сути своего заявления за три дня до заседания). Только по распоряжению городского головы на заседания думы могли приглашаться “для представления объяснений сведущие лица, не принадлежащие к составу гласных”. Под ответственность и по распоряжению городского головы печатались доклады, обсуждаемые в думе. Городской голова представлял на утверждение губернатора постановления думы.

Предоставляя городским головам столь значительную власть, правительство придавало большое значение подбору кандидатур на этот пост. Ряд законодательных ограничений на занятие должности городского головы и детально разработанный порядок утверждения позволяли администрации избегать избрания негодных ей лиц. На пост городского головы не могли избираться лица духовного звания, представители судебного ведомства, чиновники казначейства. Статья 23-я городского положения запрещала избрание на должность головы (и временно заступающего его место) лиц иудейского вероисповедания.

Новым городским положением определялась процедура утверждения городских голов правительственной властью. В уездных городах они утверждались губернатором, в губерниях — министром внутренних дел, по представлению губернатора.

После избрания думой кандидатов на пост городского головы управа подавала губернатору рапорт о результатах выборов и баллотировочный лист. Губернатор не был ограничен сроками в отношении утверждения выборных должностных лиц и мог в конце-концов известить думу о своем нежелании утвердить избранное лицо. Нередко с момента избрания кандидата и до его утверждения проходило несколько месяцев. Например, витебский городской голова А.О.Волкович был избран думой в октябре 1898 г., а утвержден в должности лишь 12 марта 1899 года.²

Городовое положение 1892 г. не только предоставляло администрации право не утверждать избранных городских голов без всякого обоснования отказа, но и узаконивало ее практику назначения на общественные должности. Так, статья 119-я позволяла министру внутренних дел и губернатору, если они не найдут возможным утвердить избранных на повторных выборах лиц, назначать служащих на вакантные должности.

В конце XIX века на территории современной Беларуси городское общественное управление в полном объеме, в соответствии со ст. 21-й Городового положения 1892 г., было введено в 15 городах, т.е. примерно 1/3 поселений, отнесенных Министерством внутренних дел к разряду городских.³ Исходя из этого корпус городских голов Беларуси включал в себя руководителей городских управлений четырех губернских городов (Витебска, Гродно, Минска, Могилева) и 11 уездных. Распределение по губерниям уездных городов с полным городским управлением было неравномерным: Витебская губерния – 1 (Полоцк), Гродненская губерния – 2 (Брест-Литовск, Слоним), Минская губерния – 2 (Бобруйск, Пинск), Могилевская губерния – 6 (Гомель, Мстиславль, Орша, Рогачев, Чаусы, Чериков). В городах Виленской губернии, той ее части, которая соответствует территории современной Беларуси, городское положение было введено в упрощенном виде.⁴ Городовое положение 1892 г. на территории Беларуси вводилось постепенно. Так, в Минске оно было введено в 1893 г., в городах Витебской губернии — в 1894 г.

Срок полномочий городской думы составлял четыре года, на такой же срок избирался и городской голова. Закон не оговаривал максимального срока пребывания одного лица в должности городского головы. Нередко на протяжении нескольких созывов деятельностью думы и управы руководили одни и те же лица. О степени сменяемости городских голов можно судить по тому факту, что за три первых четырехлетия из 28 лиц, занимавших эту должность, около половины, а именно 13 человек (46,4%), избирались на два и более срока.

С 1890 г. по 1901 г. минскую городскую думу возглавлял крупный помещик-домовладелец К.Э. Чапский. Властный и честолюбивый, имевший большое влияние среди местных домовладельцев и проживавших в Минске помещиков, Чапский стремился подчинить своей воле деятельность городского общественного управления, что нередко приводило городского голову к конфликтам с гласными думы. Так, в 1901 г. дума была вынуждена отдельным постановлением выразить неодобрение К.Э. Чапскому за его «неосторожные выражения» по отношению к одному из гласных.⁵ И хотя энергия и предприимчивость К.Э. Чапского способствовали подъему городского хозяйства, бесконтрольная деятельность городского головы вызывала недовольство как со стороны гласных думы, так и со стороны администрации губернии. Забаллотировав на очередных выборах в члены управы кандидатуры ближайших помощников Чапского, дума лишила его послушных исполнителей. Серьезная оппозиция в думе и ухудшение здоровья вынудили Чапского вскоре после выборов подать в отставку.

Свыше десяти лет руководил городскими делами гродненский голова И.С. Михальский, в течение трех сроков находились во главе городских управлений могилевский голова Г.Н. Гортынский и пинский голова А.Н. Кагл. Городской голова г. Слонима П.А. Валевский бессменно занимал эту должность с 1885 г. и был переизбран городской думой на пятое четырехлетие. П.А. Валевский уделял большое внимание благоустройству города, многие работы были произведены на его личные средства. При содействии Валевского в Слониме возникли пожарное и благотворительное общества.⁶

Круг лиц, законно претендовавших на должность городского головы, был достаточно узок. Высокий имущественный ценз отстранял от участия в выборах значительную часть городского населения. В составе городских дум преобладали домовладельцы-дворяне, помещики, проживавшие в городе, а в уездных городах — зажиточные мещане. Торгово-промышленная буржуазия в этот период еще не оказывала большого влияния на городские дела. Социальная структура городского управления предопределяла состав руководителей муниципальных органов.

Системный анализ корпуса городских голов Беларуси представляет определенные сложности, обусловленные отсутствием полных сведений по некоторым городам. Хотя Министерство внутренних дел регулярно запрашивало у начальников губерний сведения о составе руководителей городских управлений по форме, которая включала данные о вероисповедании, сословии, чине или звании, образовании, возрасте, дате утверждения или назначения на должность, имуществе, времени проживания в данном городе, однако подобные списки сохранились в незначительном количестве. Несколько полнее представлены “рабочие списки” городских голов, которые включали сведения о времени утверждения или назначения на должность, чине или сословной принадлежности. Довольно полные сведения о городских головах губернских городов давались в “Списках лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел”. Значительную сложность представляет выявление полной информации о составе городских голов уездных городов. Сведения, включенные в “Памятные книги” губерний, не дают исчерпывающей информации.

Среди руководителей городских управлений преобладали лица дворянского сословия. Так, из 28 городских голов, занимавших эту должность в первые три четырехлетия после введения нового городского положения, дворяне составляли 67,9%, а в губернских городах даже 88,9%.

Самодержавие проводило политику, направленную на усиление дворянского влияния в городском управлении. Избранный в январе 1898 г. гомельским городским головой А.Б.Станевич с Высочайшего соизволения был оставлен и в прежней должности уездного предводителя дворянства. И.А. Стратонович, ранее занимавший должность заседателя Дворянской опеки, с Высочайшего соизволения был оставлен в ней и после избрания его оршанским городским головой.⁷

Введя высокий имущественный ценз, реформа 1892 г. создала предпочтительные условия на выборах для владельцев недвижимого имущества по сравнению с торгово-промышленным сословием. Низкий процент купцов (3,6%) в составе городских голов белорусских городов обусловлен также преобладанием среди купечества еврейского населения, а лица иудейского вероисповедания были лишены права участвовать в выборах.

Стремясь усилить свое влияние на деятельность органов самоуправления, правительство присвоило классы чиновников государственной службы городским головам, членам управы, а также секретарям думы губернских городов (ст.121, прил.). Лица, избранные на эти должности, в период исполнения ими соответствующих обязанностей имели право пользоваться чином того же класса, а при повторном избрании сначала утверждались в этом чине, а затем могли получить и более высокий чин. По имеющимся данным, из 23 городских голов (82,1%) чины четвертого–восьмого класса имели двенадцать человек, чины девятого–четырнадцатого классов — пять человек, шесть руководителей городского общегородских управлений не имели чинов. Новый статус городской головы привлекал отставных чиновников и неслужилое дворянство к участию в выборах на руководящие должности муниципального управления.

Эффективность исполнения городскими головами своих обязанностей во многом зависела от их образовательного уровня. Лица с высшим и незаконченным высшим образованием в корпусе городских голов губернских городов составляли 44,4%, а в уездных городах — 21,1%. Среднее образование имели 22,2% губернских городских голов и 15,8% — уездных. Значительную группу руководителей уездных городских управлений составляли лица с домашним образованием (36,8%). Уровень последнего трудно определить: он мог равняться и высшему, и среднему, и начальному и быть ниже каждого из них. В последующие годы уровень образования руководителей муниципальных органов значительно возрос, увеличилось число городских голов, окончивших высшее учебное заведение.

К сожалению, не удалось получить исчерпывающих сведений о религиозной принадлежности городских голов. Однако выборочный анализ позволяет сделать вывод о преобладании среди них лиц православного вероисповедания. Так, в

1903 г. из пятнадцати городских голов православными были десять, католиками — три, сведения о вероисповедании еще двух городских голов отсутствуют. В корпусе городских голов первых трех четырехлетий действия нового городского положения православные составляли 50, католики — 17,9% (автор располагает сведениями о религиозной принадлежности только 67,9% городских голов).

Анализ материального обеспечения городских голов показывает, что основу их материального благосостояния составляли личные доходы. Высокий избирательный ценз позволял участвовать в городских выборах лишь наиболее состоятельной части населения. Размер содержания городского головы определялся гласными в заседании думы до производства выборов на эту должность на очередное четырехлетие. Содержание городских голов губернских городов обходилось обычно в 2,5–3 тысячи руб. В январе 1901 г. гласные минской городской думы определили размер содержания городского головы в 5 тыс. руб. Размер содержания уездных руководителей зависел от возможностей городского бюджета. Нередко руководители городских общественных управлений отказывались от назначаемого городскому голове содержания, и эти деньги оставались в распоряжении города. Так, на заседании думы в декабре 1900 г. отказался от присвоенного ему по должности содержания пинский городской голова П.П. О'Бриен де Ласси.⁸ Как правило, руководители муниципальных органов помимо выполнения непосредственных обязанностей по должности занимались благотворительной деятельностью, входили в состав различных попечительств и обществ.

Городская реформа 1892 г. на долгое время предопределила структуру и функции городского общественного управления. Хотя высокий имущественный ценз, устранение из состава избирателей квартиранимателей вели к формированию узкосословного руководства городского общественного управления и преобладанию в нем дворянства, но даже в этих условиях муниципальные органы играли заметную роль в жизни городов.

¹ Шрейдер Г. И. Наше городское общественное управление. Этюды, очерки и заметки. Т. 1. Спб., 1902. С. 102.

² Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (в дальнейшем НИАБ в г. Минске). Ф. 2506, оп. 1, д. 65, л. 9.; Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел в губерниях, областях и градоначальствах. 1902, испр. по 1 марта. Ч. II. Спб., 1902. С. 69.

³ См.: Список городских поселений Российской империи. Часть первая. Города. Спб., 1901. С. 47, 50–51, 56.

⁴ Там же. С. 47.

⁵ НИАБ в г. Минске. Ф. 24, оп. 1, д. 3600, л. 291–292.

⁶ Альбом городских голов Российской Империи. Б. м., 1903. С. 255.

⁷ Там же. С. 79, 201.

⁸ См.: Список чинов Министерства внутренних дел по 1897 г. Ч. II. Спб., 1897. С. 65, 145, 296, 305; НИАБ в г. Минске. Ф. 24, оп. 1, д. 3600, л. 196; Ф. 22, оп. 1, д. 856, л. 39.

А.Л. АБЭЦЭДАРСКАЯ

ДЗЕЙНАСЦЬ ТАВАРЫСТВА АМАТАРАЎ ПРЫГОЖЫХ МАСТАЦТВАЎ У МІНСКУ (1898–1906)

Грамадска-дэмакратычны рух канца XIX–пач. XX ст. прывёў да сур'ёзных зрухаў ва ўсіх галінах беларускай мастацкай культуры. Усё шырэй разгортвалася барацьба за рэвалюцыйна-дэмакратычныя ідэалы, за права беларусаў пісаць на сваёй роднай мове. У творчасці беларускіх пісьменнікаў выразна пачынаюць гучаць тэмы патрыятызму, нацыянальнай свядомасці, галоўнымі прынцыпамі літаратуры і мастацтва становяцца народнасць і рэалізм.

Пад уплывам гэтых заканамерных працэсаў адбывалася карэнная змена ўсёй структуры культурнага жыцця Беларусі. Мастацтва ўпершыню становіцца даступ-